

В

некрополе Александро-Невской лавры в Петербурге стоит невысокий обелиск черного камня. Вверху выбито имя «Иакинф Бичурин», внизу — даты жизни: 1777–1853. Между ними вертикальный столбик иероглифов. Китайские студенты помогли прочесть таинственную надпись: «Труженик ревностный и неудачник, свет он пролил на анналы истории». Но почему эпитафия на китайском? Кем же был монах сей обители? На какие анналы он «проливал свет»?

На восходе XIX века, за семь лет до нашего вступления Наполеона, к трудному путешествию в Китай готовилась православная миссия во главе с архимандритом Иакинфом.

В самой миссии не было ничего необычного — более ста лет до того русские монахи, сменяя друг друга, поддерживали контакты с Поднебесной, пытаясь высевать в ней семена христианской веры. В те времена духовные миссии были единственным достоверным источником информации о великой восточноазиатской стране. Девятая по счету из них отличалась тем, что вместе с монахами императором Александром I было решено направить и представительное посольство с целью установления с Китаем дипломатических и регулярных торговых отношений. Возглавлять посольство поручили графу Юрию Головкину. Трудно сказать, чем был

Иакинф Бичурин

обусловлен этот выбор. Граф почти всю жизнь провел в Париже, а потому с большим трудом изъяснялся на русском. Но, главное, не имел никаких представлений ни о дипломатической службе, ни о стране, в которую его направляли.

Вместе с людьми графа миссия направилась в город Ургу, в то время, как и вся Монголия, входивший в пределы империи Цин. Прибыли туда и сановники из Пекина — согласовать порядок представления русского посольства императору. Они пояснили, что послу предстоит исполнить обязательную при цинском дворе церемонию коу-тоу, состоявшую из нескольких поклонов в коленопреклоненном положении. Граф Голубкин отказался наотрез, причем в оскорбительно-грубой форме. «Мандарины» вернулись в Пекин, а вскоре оттуда пришло повеление русской делегации немедленно покинуть пределы империи. Так и не удалось в тот раз России установить дипотношения с Китаем. Духовная же миссия через полтора года получила разрешение на въезд. Так

началось для Иакинфа четырнадцатилетнее (1807–1821 гг.) пребывание в Китае — время великих трудов и удивительных открытий.

Никита Бичурин (так звали монаха Иакинфа в миру) родился 22 августа (9 сентября по н.с.) 1777 года в селе Акулево Чебоксарского уезда Казанской губернии, в семье дьячка Якова Данилова. Спустя два года семья Якова Данилова переехала в село Бичурино того же уезда. Никите Яковлевичу и досталась фамилия по названию этого села. За время учебы в семинарии он показал блестящие способности, легко освоил латынь, свободно говорил и писал на греческом и французском. Редкая память его сразу же была замечена преподавателями и высшим духовенством, что открыло сыну сельского дьячка дорогу в Казанскую духовную академию, которую он окончил блестяще. Все годы учения он мечтал об ученой профессорской карьере, но неожиданно, из романтических настроений, в двадцать два года постригся в монахи. Прибавив ему восемь лет (так как стать иеромонахом, а тем более архимандритом, можно было только в совершенных годах), Иакинфа возвели в сан архимандрита, назначили ректором Иркутской духовной семинарии и настоятелем Вознесенского монастыря, одного из крупнейших в Сибири. Открывалась блестящая духовная карьера. Но тут произошло нечто ужасное: в келье молодого архимандрита обнаружилась беглая крепостная актриса, которую он содержал в мужском одеянии под видом послушника. В наказание Иакинфа сослали учителем в глухой Тобольск под строгий присмотр епархиального начальства. Тут бы монаху и грехи замаливать, а он через влиятельных иркутских друзей добивается назначения в столицу далекой и загадочной Поднебесной империи. К великому удивлению всей Сибирской епархии, Александр I утверждает опального архимандрита в должности начальника Пекинской духовной миссии.

В первых письмах из Пекина обер-прокурору Синода П.С. Салтыкову глава миссии сообщает: «Занят денно и ноц-

но... Время позволяет мне учиться сверх китайского и маньчжурского еще по несколько мунгальскому, тибетскому и корейскому». А как прикажете изучать язык при отсутствии каких-либо учебных пособий и даже порядочного китайско-русского словаря? Но и сидеть сложа руки было не в характере Бичурина. Нет словарей — значит, нужно составить самому. «Я предпринял написать словарь китайский следующим образом, — делался Иакинф своим методом. — Я стал покупать все ископаемое, все произрастающее и все живущее, равно и все вещи неизвестные иметь в натуре и в моделях. После сего обучаться или поверхностно проходить разные художества и ремесла, дабы увидеть все собственными очами, точнее узнать значение одной и той же буквы в разных употреблениях и купно иметь сведения о разных вещах. В минувшем году собрано довольно птиц, дерев, цветов и трав и заведен ботанический сад подле моих покоев. В лексиконе моем при переводе букв приобщены будут краткие описания произведений природы, отличных по виду и породе, всех религий и с обрядами, всех узаконений и с обычаями, всех художеств и с орудиями». Через четыре года небольшой китайско-русский лексикон был составлен. Дополняя и совершенствуя его на протяжении всех последующих десяти лет пребывания в Пекине, освоив 14 тысяч иероглифов, сверяя с известной многотомной энциклопедией «Канси цзыдянь», Бичурин создал китайско-русский словарь, имевший в то время себе равных за пределами Китая. Им и до сих пор пользуются специалисты-синологи.

Здесь стоит напомнить, каковы вообще были в те времена представления о Китае в России и в Европе в целом. Об этом лучше всего написал русский журналист, писатель, историк Н.А. Полевой в рецензии на одну из книг о Иакинфе: «Мы смеемся над понятиями китайцев об Европе, но не в праве ли китайцы смеяться над нами, если бы слышали и понимали, что говорим и думаем мы об них? Ни один из чуждых нашего образо-

вания народов не представляется нам таким непонятным, таким странным, как китайцы. Не постигая первобытной истории их, не умея разгадать будущности Великой Небесной Империи, мы видим в китайцах что-то не человеческое, окаменелое, пестрое, растительное, не верим мудрости их философии, величию их политической самобытности, отчисляем их в антиподы рода человеческого. Нам не совестно кажется оставлять в забвении сотни миллионов самого крайнего Востока, царство, имеющее столь великое, политическое и нравственное влияние на Японию, Монголию, Среднюю Азию, восточный Индийский полуостров, Малайский архипелаг, народ, обладавший великими тайнами искусства гораздо прежде нас, и один из древнейших в мире народов по образованию... Между тем, изучение Китая, познание языка его и литературы совершенно пренебрежены в Европе. Мы сохраняем еще донныне множество ошибочных известий, какие доставлены были нам старинными миссионерами, верим рассказам путешественников-невежд, известиям, переданным через десятыя руки, пустым компиляциям».

Стремясь глубже познать страну, Бичурин установил в Пекине контакты с давно жившими здесь католическими миссионерами, с большим интересом изучал труды западных сиологов А. Семедо, Ж. Майя, Ж.-Б. Дюгальда и других. Однако это не мешало ему критически оценивать их сочинения. В частности, Бичурин не одобрял манеру европейцев изображать китайцев черными красками, высокомерно высмеивать их обычаи и порядки, представлять Китай варварской и невежественной страной, тем самым оправдывая грабительскую политику западных держав. Основываясь на китайских первоисточниках и на личных наблюдениях, он стремился представить подлинную историю страны, ее быт и нравы, познакомить читателя с политическими и философскими учениями Китая, а не полагаться на заимствования с Запада. Главным условием успеха исследовательской работы Бичурин

считал уважение к изучаемой стране. Его биограф Н. Адоратский писал: «Основавшись в Пекине, о. Иакинф поставил задачей своею как можно основательнее ознакомиться с неведомой страной и ее литературой и в тринадцать лет так изучил ее, так сроднился с ней, так полюбил, что, по словам знавших его, сам сделался похожим на китайца по внешнему виду. Физиономия его решительно носила выражение, какое имеют китайцы. Одежды в китайское платье, требующее очень сложного туалета, он постоянно вращался среди разноплеменного люда, наполняющего Пекин и окрестности его».

Не может не удивлять горячий, жадный, едва ли не влюбленный интерес Иакинфа к Китаю, его людям, обычаям, художественным и научным достижениям. Для того, чтобы составить описание Пекина и его план, он исходил все улицы и переулки китайской столицы, вымерил их длину своими ногами. Самым ценным источником знаний для него были живые люди. Иакинф посещает шумные пекинские базары и театры, завязывает обширные знакомства в самых разных слоях китайского общества — среди чопорных конфуцианских ученых и столичных купцов, ремесленников и буддийских монахов, знахарей и странствующих актеров, чиновников и даосских книжников. Потому он и смог, вернувшись на родину, поведать миру о далекой и загадочной стране больше, чем все соотечественники вместе за сто с лишним лет пребывания здесь русской духовной миссии.

В Пекине были составлены все основные труды Н. Бичурина, впоследствии изданные в России, или подготовлены исчерпывающие материалы для них. Здесь же в 1810 году он издал «Беседы в собрании ангелов» — первый православный катехизис на китайском языке.

Но когда в 1821 году в Пекин на смену прибыл новый состав духовной миссии, назначенный преемником Иакинфа архимандрит Петр пришел в ужас от увиденного и услышанного: церковь миссии в запустении и большая часть

(злые помещики говорили, что и пропит), часть помещений русского подворья сдана китайцам под игровой дом. Начальник миссии в последние годы устранился от отправления богослужений, да и в церковь-то редко заглядывал! А причиной всему были деньги, вернее, почти полное их отсутствие. На содержание миссии средства высылались из России раз в пять лет. Но практически их хватало на несколько месяцев жизни коллектива. Конечно, немалое денег уходило на покупку старинных книг и манускриптов. Немного добавляло китайское правительство. А когда на родине загорелась война с Наполеоном, там и вовсе забыли о своей пекинской миссии. Вконец обносившись, миссионеры облачились в дешевые китайские халаты. Вот тогда-то отцу Иакинфу и пришлось идти на разные ухищрения, лишь бы не дать умереть с голоду себе и своим товарищам. Зато в возвратный путь на родину пришлось нанимать полтора десятка лишних верблюдов, чтобы вывезти все собранные в Пекине книги и рукописи. Этот-то багаж и составил впоследствии первооснову китайских собраний Петербурга — Азиатского музея, Публичной библиотеки, университета. Иакинф горел желанием поскорее обработать и обнародовать подготовленные труды. Он был уверен, что сможет обогатить ими европейскую науку и принести пользу отечеству. Однако по доносу преемника духовный суд лишил архимандрита сана и простым монахом сослал «на вечное поселение» в Валаамский монастырь. Здесь Иакинф провел почти в полном забвении около четырех лет. Но времени не терял, находя утешение в работе над вывезенными из Китая рукописями.

Посетивший монастырь барон Павел Шиллинг фон Канштадт, русский дипломат и историк-востоковед, случайно заметил в одной из келий монаха, усердно корпевшего над покрытой иероглифами бумагой. Узнав, что это бывший начальник русской миссии в Китае, барон стал хлопотать о переводе редкого специалиста в Петербург. Так в 1826 году усилиями дру-

зей и личным соизволением самого императора Николая I отец Иакинф был определен на службу в Министерство иностранных дел, а местом жительства ему стала Александро-Невская лавра. С этого времени началась неутомимая исследовательская и литературная деятельность нашего героя, изумлявшая не только русский, но и зарубежный ученый мир. Почти ежегодно выходят из печати его книги, получавшие высокую, а порой и восторженную оценку современников. Иакинфа избирают членом-корреспондентом Императорской Академии наук, действительным членом Азиатского общества в Париже — честь, которой удостоивались немногие русские ученые. За диковинным автором охотятся петербургские и московские журналы. Он удостоивается многих наград, в том числе пяти Демидовских премий. Поднадзорного монаха Александро-Невской лавры можно было встретить в литературном салоне князя Одоевского, в модном Демутовом трактире, в мастерской Карла Брюллова, на холостяцкой пирушке в квартире Павла Шиллинга, а то и гуляющим у невских берегов с Пушкиным.

«Он был роста выше среднего, сухощав, — описал облик о. Иакинфа его первый биограф Н.С. Щукин. — В лице у него было что-то азиатское: борода редкая, клином, волосы темно-русые, глаза карие, щеки впалые и скулы немного выдававшиеся. Говорил казанским наречием на «о»; характер имел немного вспыльчивый и скрытный. Неприступен был во время занятий: беда тому, кто приходил к нему в то время, когда он располагал чем-нибудь заняться. Трудолюбие доходило в нем до такой степени, что беседу считал убитым временем».

Вместо духовного одеяния Иакинф ходил по Петербургу в длинном китайском халате. Пристрастие ко всему китайскому к концу жизни доходило до анекдотического. Его внучатая племянница Надежда Моллер вспоминала: «Если ему не нравилось чье-либо мнение, он, горячась, говорил: «Да что с вами толковать! Вы судите по-европейски! А, черт!», — прибавит он с раздра-

жением и махнет рукой. Потом, закутив сигару, замолчит надолго. Напротив, если ему нравилось чье суждение, он оживлялся и с восторгом восклицал: «Прекрасно, превосходно! Это совершенно по-азиатски! У вас такой же здравый взгляд, как и у азиата». Или же: «Лучше нельзя рассудить! Это совершенно согласно с мнением китайцев! Да! Вы судите верно; вы судите вполне по-азиатски!» Выше этой похвалы, по его мнению, ничего не могло быть; не было у него также и осуждения ниже: «Да это все европейское! Вы настоящий европеец и вздор городите европейский!» О. Иакинф всем молодым людям говорил «ты», да и вообще почти всем, и в выражениях не стеснялся с ними. Почти всех молодых людей он называл дураками и европейскими прохвостами; девушек же молодых: коза, юла, ветрогонка. С молодежью он никогда не разговаривал, называя ее пустоголовой. Исклечение он делал только для молодых людей, посвятивших себя изучению восточных языков. Тех он превозносил и трудами их весьма интересовался». (Моллер Н.С. Иакинф Бичурин в далеких воспоминаниях его внучки // Русская старина, 1888. — Т. 59. — № 8. — С. 272–300).

Однажды в разговоре с А.С. Пушкиным отец Иакинф сказал о Белинском: «Нет, он не китаец!» Это поэту так понравилось, что он иногда спрашивал со смехом: «И этот не китаец?» Иакинф отвечал: «Этот как раз китаец! А вот наш министр иностранных дел, граф Нессельроде, — не китаец! Он каждый раз забывает, откуда восходит дневное светило».

Историк и издатель М.П. Погодин вспоминал о вечерах модного литературного салона князя Одоевского: «Здесь сходились веселый Пушкин и отец Иакинф с китайскими сузившимися глазками...» Пушкин, уже знакомый с трудами Иакинфа, сразу оценил его неординарную личность. Свою первую вышедшую в Петербурге книгу «Описание Тибета в нынешнем состоянии» тот преподнес поэту с дарственной надписью: «Милостивому государю моему Александру

Сергеевичу Пушкину в знак истинного уважения». А о второй подаренной ему книге «Сан-Цзы-Цзын. Троеслобие. Энциклопедия XII в.» Пушкин отозвался так: «Прочитал с превеликим интересом. И совершенно с вами согласен: это прелюбопытная маленькая энциклопедия. Три слова в стихе — бездна мысли... Нет, эта тоненькая книжка может дать для понимания любезного Вам Китая больше, нежели толстые томы». Лестная и весьма доброжелательная рецензия была опубликована в первом же номере «Литературной газеты», издание которой предприняли Пушкин и Дельвиг с января 1830 года. По просьбе Пушкина Иакинф передал ему часть рукописи «Историческое обозрение ойратов», что отмечено поэтом в «Истории Пугачева»: «Самым достоверным и беспристрастным известием о побеге калмыков обязаны мы отцу Иакинфу, коего глубокие познания и добросовестные труды разлили столь яркий свет на отношения наши с Востоком».

Пушкин неоднократно навещал Иакинфа в его двухкомнатной келье в Лавре. Часто здесь они предавались мечтам о совместной поездке в Китай. Иакинф надеялся еще раз возглавить Пекинскую миссию, а Пушкину определял место секретаря миссии. Поэт был заворочен предполагаемым путешествием, о чем свидетельствует элегический отрывок, относящийся к декабрю 1829 года:

Поедем, я готов; куда бы вы, друзья,
Куда б ни вздумали, готов за вами я
Повсюду следовать, надменной убегая:
К подножию ль стены далекого Китая...
Повсюду я готов.

7 января 1830 года Пушкин направлял письмо начальнику III отделения Собственной Е.И.В. канцелярии А.Х. Бенкендорфу с просьбой к царю разрешить поездку в Китай вместе с отправляющейся туда духовной миссией. «...Покамест я еще не женат и не зачислен на службу, я бы хотел совершить путешествие во Францию или Италию, — писал поэт. — В случае же, если оно не будет мне разрешено, я бы попросил соизволения посе-

тить Китай с отправляющейся туда миссией». Китай Пушкин поставил в прошении на последнее место не без тайного умысла. У него не было иллюзий: ни во Францию, ни в Италию его не пустят. Но тем труднее, думалось, будет отказать в поездке в Китай, где не было якобинцев или карбонариев. «Милостивый государь, — отвечал Бенкендорф, — желание ваше сопровождать наше посольство в Китай также не может быть осуществлено, потому что все входящие в него лица уже назначены и не могут быть заменены другими без уведомления о том Пекинского двора». Увы, за ответом шефа жандармов стоял сам Николай I, ни под каким видом не желавший выпускать поэта из-под надзора.

Поездка Иакинфа, продолжавшаяся почти два года, не оборвала его связей с Пушкиным. И из Сибири, с китайской границы, ученый монах послал в «Литературную газету» письма, очерки, переводы. Один из первых в русской литературе очерк о Байкале был опубликован в составлявшемся при деятельном участии Пушкина альманахе «Северные цветы» на 1832 год. Когда через два года Иакинф вернулся в столицу, Пушкин жадно расспрашивал его о Китае, о том, как там, на каторге декабристов, к которым, преодолев невероятные трудности, тот пробрался, про его путешествие по оренбургским степям. Как известно, Пушкин задумал тогда книгу о Пугачеве. Ему понадобились материалы о калмыках, которые принимали участие в восстании Пугачева, и, узнав об этом, Иакинф предоставил в распоряжение поэта рукопись своей еще не опубликованной книги «Историческое обозрение ойратов, или калмыков, с XV столетия до настоящего времени».

* * *

Около 70 работ Н.Я. Вичурина, в которых он выступил как разносторонний и значительно опередивший свое время историк, филолог, этнограф, географ, экономист, правовед, было опубликовано при его жизни в 1827–1851 годах, по-

что столько же осталось рукописей. Полное издание этого наследия не осуществлено по сей день и остается насущной задачей отечественной науки. Бичурин был первым из русских китаеведов, кто от изучения на базе маньчжурских источников истории и современного положения Цинской империи перешел к исследованию Китая и сопредельных с ним стран во всем многообразии их взаимодействия в прошлом и настоящем. Объем творчества и круг интересов Бичурина можно оценить из одних названий его книг: «Китай, его жители, нравы, обычаи и просвещение», «Описание Тибета в нынешнем его состоянии», «Записки о Монголии», «Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана в древнейшем и нынешнем состоянии», «История первых четырех ханов из дома Чингисова», «Сань-цзы-цзин, или Троесливие. С литографированным китайским текстом», «Описание Пекина. С приложением плана сей столицы, снятого в 1817 г.», «Географическое описание Китая» в 18 томах...

В основе этих и других трудов Н.Я. Бичурина лежал обширный фактический материал, который он черпал прежде всего из официальных династических историй, вроде «Исторических записок» («Ши цзи») Сыма Цяня или «Истории династии Мин» («Мин ши»), знаменитого свода законов и комментарий «Всеобъемлющее зеркало, управлению помогающее» («Цзы-чжи тун-цзянь ганму»), «Статистического описания Китайской империи» («Дай-дин и-тун чжи») и других. В столь большом объеме китайские источники до него никто в мировой синологии не использовал.

Бичурин выявил и впервые перевел на западный (русский) язык целый ряд китайских классических произведений. Прежде всего — «Четырехкнижие» («Сы шу») из четырех канонических произведений, составляющих основу классического образования в Китае. Использование китайских источников в точном их переводе было тем новаторским подходом, который отличал рабо-

ты Бичурина от работ его предшественников. Русскому ученому удалось соединить рационализм и практическую мудрость китайского исторического описания с западным научным сопоставительным методом. «Я привык писать одно дельное, высказываться откровенно, и притом в коротких словах», — говорил он о методе своей работы. Можно сказать, что Н.Я. Бичурин стал предтечей актуальной современной дисциплины геополитики, поскольку он осознавал значение взаимозависимости народов и государств и действие исторических факторов в формировании регионально-пространственной картины Центральной Азии и Дальнего Востока, первым из востоковедов использовал в своих исследованиях цивилизационный подход.

Опираясь на обширные познания в истории развития китайской политической культуры, Бичурин пытался найти в Китае того времени свой идеал общественного устройства. В книге «Китай в гражданском и нравственном состоянии» он писал о китайских законах: «Они сорок веков проходили сквозь горнило опытов и вылились столь близко к истинным началам народоправления, что даже образованнейшие государства могли бы кое-что позаимствовать из них». «Отколе восходит дневное светило, оттуда и должно идти просвещение нашего народа», — утверждал он в одном из писем.

После выхода в конце 1840 года книги Н.Я. Бичурина «Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение» некоторые рецензенты упрекали автора в пристрастном отношении к стране изучения. О.И. Сенковский, говоря об идеализации Китая Бичуриным, объяснял это следующим образом: «Пристрастие нашего синоведа ко всему китайскому, конечно, основывается на весьма благородных побуждениях и свойственном ученым увлечении своим специальным предметом, и дружбе к народу, среди которого провел он лучшие лета своей жизни».